

368.4

л-933

Проф. П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ОДИНОКИМ МАТЕРЯМ

МОСКВА „КНИГА“ ПЕТРОГРАД
1924

С 122775

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдач

Д.Х.

05.

013°

019°

3 ТМО Т. 250000 З. 1798-91

М

12275

368.4
1 933

Проф. П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ

Инд. 1936 г. 4/202157

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ОДИНОКИМ МАТЕРЯМ

АРХИВ

1944 г.

Me [redacted]

ЖК

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
ПЕТРОГРАД, ПР. 25 ОКТЯБРЯ, 74, ТЕЛ. 134-34.
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 38, ТЕЛ. 264-61 и 280-09.

КНИЖНО-АНИМИЩЕ
ОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

368.4

Петрооблит № 6948. Зак. № 736. Тираж 3000 экз.

Военная Типография Штаба Рабоче-Крестьян. Красной Армии
(Площадь Урицкого, 10).

I.

Значительные изменения в составе населения и тяжелые потрясения экономической жизни, явившиеся последствием недавней войны, заставляют в настоящее время во многих направлениях пересмотреть социальную политику государства, направленную на оказание помощи особенно нуждающимся в общественной поддержке категориям населения. С особенной силой следует подчеркнуть необходимость такого пересмотра в отношении одиноких матерей, количество которых во всех странах необычайно возросло вследствие истребления значительной части мужского населения брачного возраста и на долю которых выпадает ныне тяжелая борьба за существование в условиях усиливающейся безработицы и нужды. К созданию планомерной помощи таким матерям призывает нас не только чувство сострадания к слабым, но и первенствующий социальный интерес надлежащей охраны нового поколения, так как нужда и беспомощность матери непосредственно отражаются на судьбе ее детей.

Проблема одинокого материнства до войны рассматривалась больше с чисто юридической, чем социальной точки зрения. Одинокими матерями являлись по большей части

матери внебрачных детей, и вопрос рассматривался в плоскости уравнивания прав таких детей с детьми, родившимися в браке. Изменение взглядов на внебрачных детей приводило лишь к реформе семейного права: за такими детьми постепенно стали признаваться права на имя отца, на материальную поддержку, на наследование в имуществе отца и пр. Лишь в очень немногих странах, и то во время войны, были приняты постановления, определяющие социальные права таких детей. Но наряду с одинокими матерями—матерями внебрачных детей, война создала значительные кадры одиноких матерей—вдов, а изменившиеся воззрения на брак и ослабление крепости брачных связей породили значительную категорию матерей—разведенных или брошенных мужьями. Понятие „одинокой матери“ таким образом характеризуется уже не юридическим признаком—рождением ею ребенка в браке или вне его, а признаком социальным—необходимостью содержать себя и ребенка на свои средства без помощи со стороны отца ребенка. К этой категории с одинаковым правом могут быть отнесены и девушки: матери, и матери-вдовы, и матери, покинутые мужьями или разведенные, если забота о ребенке лежит на них.

В условиях, создавшихся после недавней войны, одинокое материнство является уже не редким исключением, а широко распространенным, массовым явлением. По статистическими исчислениям, война 1914—1918 г. унесла около 10 миллионов мужского населения в наиболее цветущем возрасте.

Количество женщин во всех воевавших странах Европы, после окончания войны значительно превышает количество мужского населения. Особенно резко это несоответствие заметно применительно к населению брачного возраста, т.-е. от 16 до 45 лет. По данным, относящимся к Западной Европе, количество женщин брачного возраста в настоящее

время на 17—18%⁰ выше количества мужчин соответственного возраста. У нас в России, где за империалистической войной последовали годы войны гражданской, это несоответствие проявляется еще резче. Так, в Петрограде в 1921 г. на 100 мужчин приходилось 130 женщин. В сельских местностях процент преобладания женского населения еще выше. Хотя брачность населения почти во всех странах после войны значительно увеличилась¹⁾, однако, уже в силу одного численного несоответствия, по крайней мере $\frac{1}{5}$ часть женщин обречены на одинокую жизнь и зачастую—на одинокое материнство. В интересах пополнения убыли населения, явившейся результатом войны, и поднятия своего общего благосостояния, государство не может равнодушно отнестись к положению таких одиноких матерей и предоставить их слабым силам преодолевать все трудности социальной борьбы за существование.

Особые трудности в положении одиноких матерей, вызывающие необходимость особой социальной поддержки их, состоят в следующем:

1. По общему правилу одинокая мать должна совмещать обязанности ухода за ребенком с необходимостью иметь заработок, дающий ей средства к существованию. Лишь очень небольшая часть матерей является имущественно зажиточной. В редких случаях матери-вдовы, унаследовавшие после смерти мужа какое-либо имущество, имеют еще известное материальное обеспечение. Для других категорий одиноких это — почти не встречающееся явление. Особенную

¹⁾ Во Франции число ежегодно заключаемых браков в 1911—13 г. равнялось (в тысячах)—306, в 1919 г.—447, в 1920 г.—600, в 1921 г.—456. В Германии в 1911—13 г.—523, в 1919 г.—844, в 1920 г.—895, в 1921 г. 721. В Бельгии с 60 в 1911—13 г. оно поднялось до 97 в 1919 г. и 106 в 1920 г.

трудность представляет такое совмещение труда в целях заработка с уходом за ребенком для матерей, имеющих младенцев грудного возраста, требующих почти безраздельно их сил и внимания.

2. Одинокая мать является менее приспособленной к таким видам труда, которые требуют ее длительной отлучки из дома или большего физического напряжения. Поскольку мы имеем в виду мать, кормящую грудью, отлучки для кормления ребенка являются для нее неизбежной необходимостью; многие виды труда для такой матери вредны и недопустимы в интересах не только ее самой, но и сохранения жизни и здоровья ее младенца. Но даже и при наличии более взрослых детей, длительная отлучка матери из дома приводит обычно к беспризорности ее детей, а крайняя физическая утомленность после дневного труда—к значительному ухудшению условий домашней жизни, упадку хозяйства, невозможности достаточно обслужить нужды детей в смысле заботы об их питании, одежде, опрятности, воспитанию и пр. Мать, не имеющая кого-либо из близких, на которых она может возложить такую заботу о ребенке, и любящая своего ребенка, обычно оказывается неспособной к длительному труду вне дома.

3. Труд одиноких матерей является менее привлекательным для работодателей, так как он связан с особыми правилами охраны труда: для женщин беременных и кормящих не только устанавливаются сокращенное рабочее время и длительные отпуска по беременности, но и введены дополнительные формы страховых пособий; они должны быть освобождены от тяжелого физического труда; им чаще приходится по болезни ребенка пропускать рабочие дни и пр. При найме женщины в качестве домашней прислуги наличие ребенка обычно служит помехой к получению места.

Точно также, имея ребенка, женщина не может быть посылаема на работу за пределы своего постоянного местожительства.

4. К этим затруднениям следует присоединить еще некоторые особенности, лежащие в психологической сфере. Каждая одинокая мать испытала в прошлом известный душевный конфликт в связи со своим одиноким материнством. Смерть мужа, его безвестное отсутствие, покинутие матери внебрачным отцом, конфликты с родной семьей и пр. наносят тяжелый удар ее нервно-психической устойчивости и вызывают часто длительную депрессию, выражающуюся в упадке духа, нервности, истерии, апатии. Пониженная нервная устойчивость ослабляет и ее работоспособность, делает ее раздражительной и трудно уживчивой на работе. Совмещение же работы с уходом за ребенком истощает и без того ее надломленные силы.

Неудивительно, что в этих условиях, при обострении борьбы за существование, одинокая мать оказывается среди побежденных. Пред нею возникает трудный и мучительный вопрос: расстаться ли со своим ребенком, передав попечение о нем государству, обществу или чужим людям, или же сохранить его у себя и обречь его вместе с собою на тяжелую жизнь и лишения. От соответственной социальной политики государства зависит определить этот выбор матери, создав преобладающие мотивы в пользу того или иного решения.

Социальная политика стран Запада и Америки, руководствуясь благом ребенка, без колебаний дает перевес мотиву сохранения матерью ребенка у себя. До 3-летнего возраста материнский уход является одним из существеннейших условий сохранения жизни ребенка, и этот уход не может быть возмещен никакой, даже наилучше поставленной, системой искус-

И. Г. Сидорова 7

ственного вскармливания или закрытого попечения. Уход за младенцем требует такого напряжения сил, такой беззаветной привязанности к ребенку, такого глубоко индивидуального изучения его нужд и такого неослабного за ним наблюдения, что только одна мать оказывается способной на это в достаточной мере. Ни материнское молоко, ни материнская ласка не могут быть обеспечены ребенку даже при самой образцовой постановке учреждений для содержания младенцев. Но далее, если перейти от младенцев к детям дошкольного возраста, то и тогда оставление ребенка у матери является для него предпочтительным. Маленькие дети не терпят широкой общительности. Их психическое развитие сначала должно приспособиться к небольшому кругу наиболее близких к ним людей, с которыми они должны сжиться и от которых они получают первую прививку социальных и любовных чувств. Развитие чувств, представлений и социальных навыков у ребенка дошкольного возраста идет скорее вглубь, чем вширь. Тесный круг семьи и немногих сверстников-товарищей, позволяющих упражнять инстинкт игры,— вот диктуемая природой детской психики социальная обстановка раннего детства, легко разрушаемая помещением такого ребенка в большие приюты. С другой стороны, детский организм в этом возрасте особенно восприимчив к болезням, передаваемым от других детей. Детские эпидемии и так-наз. госпитализм—обычные явления в учреждениях, где сосредоточены дети нежного возраста, явления, создающие серьезную угрозу для жизни и здоровья их.

По отношению к детям школьного возраста уже встречается меньше препятствий к закрытому воспитанию их вне родной семьи. Но здесь уже у самого ребенка создается такая тесная связь с матерью, что длительный разрыв с нею

болезненно отражается на нем. Да и забота о таком ребенке для матери становится более легкой, так как он проводит значительную часть времени в школе и вообще более самостоятелен. С точки же зрения требуемых расходов, содержание его в закрытой школе обходится государству значительно дороже, чем оказание поддержки его матери.

За изъятием особых категорий: детей, совершенно лишенных семьи, детей, страдающих физическими дефектами, умственной отсталостью, психическими аномалиями, детей морально дефективных или живущих в таких условиях домашней обстановки или семьи, которые создают опасность для их правильного воспитания и нравственного развития—оставление ребенка в обстановке его родной, хотя бы и неполной, семьи является наилучшим способом его устройства.

На американской конференции работников по охране детства, созванной в 1919 г. в Вашингтоне и формулировавшей основные требования в области обеспечения благосостояния ребенка, единогласно по этому вопросу была принята следующая резолюция:

„При отсутствии особых условий, благосостояние ребенка лучше всего может быть обеспечено при сохранении его в его родной семье. Ребенок не должен быть изъят из своей семьи, если только имеется возможность так изменить или построить семейные условия, или так восполнить средства семьи, чтобы сделать семейную обстановку благоприятною для малолетнего или установить за семьею такое наблюдение, чтобы постоянное нахождение ребенка в данной семье не представляло бы опасности для общества“.

Это резолюция, являющаяся выводом из американского опыта нескольких десятилетий социальной работы по охране беспризорного детства, продиктована как заботой о благе

В. пр. с. с. с. с. с.

ребенка, так и практическим учетом имеющихся в распоряжении страны ресурсов для постановки дела социального воспитания.

В Германии новый имперский закон от 9 июля 1922 г. об обеспечении благосостояния молодежи, определяя меры устройства детей беспризорных и нуждающихся в общественной поддержке, в виде общего правила требует сохранения малолетнего в пределах его семьи, которой лишь должна быть оказываема различная помощь (материальная, опекунская, в виде попечительного надзора и пр.). В этом отношении закон 1922 г. повторяет точку зрения, выраженную еще в прусском указе от 18 декабря 1900 г., изданном при введении в действие закона 1900 г. о попечительном воспитании. В этом указе мы читаем: „Поскольку цели попечительного воспитания могут быть достигнуты путем помещения малолетнего в семью, этой мере должно быть оказываемо предпочтение. Ее следует применять преимущественно в тех случаях, если малолетний еще не достиг школьного возраста и не обнаруживает значительной моральной испорченности“. Эти положения можно было бы иллюстрировать и рядом других цитат, но ограничимся сказанным.

В наших условиях социальное воспитание детей в детских учреждениях закрытого типа, широко поставленное в первые годы после Октябрьской революции, постепенно должно было свертываться как за отсутствием необходимых средств, так и за отсутствием подготовленного персонала. Громадный рост детской беспризорности (беспризорных детей в Республике к началу 1923 г. насчитывалось более двух миллионов) заставил принимать в детские дома только детей, являющихся круглыми сиротами или таких, которые находятся в семейной обстановке, угрожающей их правильному развитию, если при этом они подвергаются жестокому

обращению, эксплуатации или развращению. В связи с этим и для нас проблема оказания помощи ребенку при сохранении его, по возможности, в условиях семьи, приобретает практически неотложный характер. И при решении одинокой матерью вопроса о передаче ею ребенка на попечение государства, государство должно бросить свою гирю на ту чашку весов, которая тянет в сторону оставления ребенка при матери. Отсюда вытекает в качестве необходимого следствия требование развития социальной помощи одиноким матерям.

II.

Характеризовать социальное положение одинокой матери можно, лишь близко изучив фактическую сторону вопроса. Мы для этой цели приведем данные, собранные нами в практике социально-правового отдела при пункте № 1 Охраны материнства и младенчества, обслуживающем центральный район Петрограда. С начала 1922 года, когда в связи с новой экономической политикой, отпали формы трудовой повинности, а, с другой стороны, и те формы помощи натурой (особые пайки для беременных и кормящих матерей, бесплатное детское питание, выдача новорожденным приданого, различные формы социального обеспечения, бесплатное распределение предметов первой необходимости, бесплатное получение жилищ чрез жилищные отделы и пр.), в практике отдела стали наблюдаться случаи особо острой нужды среди одиноких матерей, и эта группа стала обслуживаться отделом усиленно.

Остановимся прежде всего на трудовом положении матерей. По отчету за 1922 г. из 1.557 матерей, обращавшихся в отдел за исхлопотанием для них пособий по случаю

В. И. Горсага

рождения ребенка—1.332 (84,4%) жили совместно с мужем или отцом ребенка и 225 (15,6%) являлись одиночками.

Из матерей, живших с мужьями—1.164, т.-е. 86,2% сами не имели заработка; в 57 случаях (4,4%) работала одна мать и в 111 случаях (8,4%) трудящимися являлись оба родителя. Рассматривая род профессий мужа в тех семьях, где мать являлась работающей в целях заработка (168 случаев), мы видим, что в этих семьях муж был:

Безработным	29
Красноармейцем	91
Инвалидом	22
Студентом	6
Арестованным	1
Рабочим или служащим	19

Итого . . . 168

Таким образом, по общему правилу, только отсутствие заработка у мужа заставляло женщину, имеющую ребенка до 1 года, поступать на службу или работу. Из 1.332 матерей только 19, т.-е. 1,4% работали одновременно с мужьями.

По анкете, произведенной Отделом в мае 1923 г., касающейся уже матерей, имевших детей до 3 лет, было обследовано трудовое положение 1.154 матерей, из которых 989 жили с мужем или отцом ребенка, а в 165 случаях мать была одинокой, что составляет 14,4% общего числа.

Изучив трудовое положение матерей, живших с мужьями, мы установили, что из 989 случаев в 778-ми отцы состояли на службе или имели заработок от торговли и в 211 (21,3%) являлись безработными. Мать являлась работавшей одновременно с отцом в 63 случаях (6,3%), одна мать, при безработном отце, работала в 23 случаях (2,3%). Таким образом из живущих с мужьями матерей в общем работало 8,6%.

Интересно несколько подробнее остановиться на тех семьях, где оба супруга являлись работающими. В этих семьях из 63 случаев в 55 имелся лишь один ребенок, в 6-ти случаях—двое и по 1—четыре или пять детей. Другими словами, 87,3% таких семей имели лишь одного ребенка. Из семей, имевших по 2 ребенка — в двух случаях были близнецы. В двух семьях, имевших по 4 и 5 детей, мать была занята нерегулярным трудом (чернорабочая).

Из совместно работавших семейных пар 18, т.е. 30%, состояли работающими в одном учреждении или обучающимися в одном учебном заведении. Значительное число таких пар относится к учащимся в ВУЗ'ах (в анкете причисленных к работающим). Так, из этих семей отцы состояли студентами ВУЗ'ов в 18 случаях (30%), а матери—в 10 (16%). Семьи при работавших матери и отце занимали 1 комнату в 30 случаях (48%), в 12 случаях—две комнаты, в 2-х—3 комнаты и в 19 случаях—квартиру или часть ее.

Таким образом, по сравнению с 1922 г. и с матерями, имеющими ребенка до 1 года, в 1923 г. матери, живущие совместно с мужьями, дали несколько больший процент работающих, причем главным мотивом работы являлась необходимость добывать средства для содержания семьи в виду безработности мужа или пребывания его в учебном заведении.

Обратимся теперь к одиноким матерям. По данным за 1922 г., как было указано, число их равнялось 225, т.е. 15,6% общего числа. По данным анкеты 1923 г. их было 165, что составляет 14,4% всех матерей. Таким образом, приблизительно $\frac{1}{6}$ часть всех матерей являются одиночными—вывод, совпадающий с общими статистическими предположениями, указанными нами в начале.

М. И. Сага

Одинокие матери распределялись на следующие группы:

	По данным 1922 г.		По анкете 1923 г.	
Вдовы	39	17,3 ⁰ / ₀	33	20 ⁰ / ₀
Матери внебрачн. детей	135	60 ⁰ / ₀	61	37 ⁰ / ₀
Брошены мужьями или раз- ведены	51	22,7 ⁰ / ₀	47	28 ⁰ / ₀
Муж арестован	—	—	4	2 ⁰ / ₀
Пропал без вести	—	—	13	8 ⁰ / ₀
В провинции	—	—	6	4 ⁰ / ₀
Уехала от мужа	—	—	1	1 ⁰ / ₀
	225	100 ⁰ / ₀	165	100 ⁰ / ₀

Наибольший процент, таким образом, дают матери внебрачных детей. Различие между процентным отношением данных 1922 г. и 1923 г. объясняется в значительной мере тем, что первые относятся к матерям с детьми до 1 года, а вторые—с детьми до 3 лет. В виду повышенной смертности внебрачных детей относительное число матерей с внебрачными детьми до 3 лет должно было уменьшиться. Затем идет значительная группа матерей, брошенных своими мужьями, которую трудно отграничить от группы разведенных, так как не всегда даже женщина знает, что муж получил развод. Они дают 23—28⁰/₀. Большой процент во второй группе объясняется тем, что мужья несколько реже бросают жен в первые месяцы после рождения ребенка. Группа матерей, имеющих мужа в провинции (или за границею), отнесена нами к одиноким постольку, поскольку муж в течение последнего года не оказывал никакой поддержки матери. Матери-вдовы занимают лишь третье место, составляя 17—20⁰/₀ числа одиноких.

Трудовое положение одинокой матери по данным 1922 г. регистрировалось лишь в момент рождения ими ребенка. Из общего числа одиноких матерей к моменту родов со-

стояли на работе или службе 91 или 41%. Это весьма характерно по сравнению с 8,6% работавших матерей, живущих с мужьями. Однако, указанный процент совершенно не характеризует трудового положения матери после рождения ею ребенка, так как лишь очень небольшой группе удается вернуться на службу, имея грудного ребенка.

По анкете 1923 г. трудовое положение одинокой матери нами было разработано уже значительно подробнее. Из 165 одиноких матерей не имело постоянной работы или службы—134, т.-е. 81,2%; имело таковые—31, т.-е. 18,8%. Несмотря на скромность этого процента, он является наивысшим среди матерей. Для сравнения приведем сопоставление между процентными отношениями работающих матерей по отдельным категориям:

	Число семей.	Число работающих матерей.
При наличности работающего мужа	762	63 8,4%
„ „ мужа безработного	212	24 11,3%
„ „ инвалида	15	2 13,3%
Одинокие матери	165	31 18,8%

Таким образом, даже, при весьма небольшом проценте работавших одиноких матерей, этот процент являлся наивысшим по сравнению с другими категориями матерей.

Труд одинокой матери, однако, имеет свои особенности. Из числа работавших одиноких матерей лишь 11 были заняты регулярным служебным трудом вне дома; 11 имели нерегулярный труд (прачка, поденщица, чернорабочая, грузчица) и 9 были заняты домашним трудом (портниха, сапожница, дворничиха, швейцариха и пр.). Таким образом, лишь 6,6% одиноких матерей были заняты регулярным трудом вне дома. Из 37 одиноких матерей, имевших более одного ребенка, работало только трое. Две матери, имев-

шие по 2 ребенка, состояли: одна дворничихой, другая чернорабочей и одна брошенная мать с 6-ю детьми состояла рассыльной при торговом заведении, в последнем случае у нее были уже довольно взрослые дети. Таким образом, для одинокой матери, имеющей более одного ребенка, регулярный труд является чрезвычайно редким исключением, так как ее время занято домашним хозяйством и уходом за детьми¹⁾.

На какие же средства жили безработные одинокие матери? Самая ничтожная часть их пользовалась скромной поддержкой от отца детей. Из 165 матерей только 4 указали, что пользуются поддержкой от отца ребенка, причем в 2-х случаях такая поддержка оказывалась по постановлению суда и в 2-х—добровольно. Если исключить вдов, мужья которых умерли, и жен арестованных, то из 128 оставшихся одиноких матерей, мужья которых или отцы их детей находились в живых и на свободе, лишь 4, т.-е. 3,1% получали алименты, на которые они имеют законное право.

1) По профессии работавшие одинокие матери распределялись следующим образом:

Грузчица	1	Рассыльных	2
Дворничиха	1	Служ. столовой	1
Конторщиц	2	Сапожница	1
Кондукторш	2	Табачница	1
Курсистка	1	Телефонистка	1
Педагог	1	Сиделка	1
Поденщиц	3	Кассирша	1
Портних	4	Уборщиц	2
Почтальон	1	Чернорабочих	3
Прачка	1		
Поломойка	1		
			31

Из общего числа, таким образом, мы встречаем лишь 5 матерей, занятых квалифицированным трудом (педагог, 2 конторщицы, кассирша, телефонистка), остальным приходится заниматься тяжелым физическим трудом, почти всегда нерегулярным и плохо оплачиваемым.

Из остальных одиноких матерей—6 занимались нищенством (4,7%), 24—получали поддержку от своих родных (14,5%), остальные указывали в качестве средств к существованию—продажу своих последних вещей, случайные поденные работы. Две вдовы пользовались после смерти своих мужей пенсией.

Из безработных одиноких матерей приблизительно 55% указывают какую-либо профессию, которой они раньше занимались, но были вынуждены покинуть ее „за сокращением штатов“, „за невозможностью посещения службы“, „за болезнью“, „из-за необходимости присматривать за ребенком“ и пр.

Далее показателем экономического положения в значительной мере являются жилищные условия. Они важны также и в том отношении, что неудовлетворительность жилищных условий весьма резко сказывается на здоровье ребенка нежного возраста. Определить лучшие или худшие жилищные условия одинокой матери можно лишь по сравнению с другими категориями матерей. Поэтому мы приведем нижеследующую сравнительную таблицу по нашей анкете 1923 г. (см. стр. 18).

Таким образом, 87% всех одиноких матерей в лучшем случае занимали одну комнату вместе с ребенком. Однако, не следует впадать в заблуждение относительно тех, которые показаны живущими „в квартире“. Из общего числа 28 таких матерей—11 жили в квартирах общего пользования, т.е. фактически жили в комнате с общей кухней, 7—в квартире у своих родных. Самостоятельные квартиры в 2—3 комнаты имело всего 10 матерей—5 вдов и 5 брошенных мужьями, сохранивших, повидимому, эту квартиру еще от периода супружеской жизни. Из общего числа одиноких матерей—45 жили на квартире или в комнате у родных, 12—жили в углу или комнате из милости у знакомых и 108—сами оплачивали свою квартиру, комнату или угол. Поражает количество одиноких матерей, живущих в углах.

Сравнительная таблица, показывающая жилищные условия различных категорий семей.

Помещение.	При работе тащел отце.	При безработ. отце.	При работе обоих родителей.	При одиноких матерях.	Семьи инвалидов.	Всего.
Квартира . . .	256	87	19	28	10	420
3 комнаты . .	3	—	2	—	—	5
2 „ . . .	6	18	12	—	1	37
1 „ . . .	426	103	30	106	4	649
Угол	3	1	—	29	—	33
Кухня	1	2	—	1	—	4
Дворничья . .	3	—	—	1	—	4
Швейцарская	1	—	—	—	—	1
Без приюта . .	—	1	—	—	—	1
Всего	699	212	63	165	15	1154
	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Из всех 1.154 обследованных семей жило в углах только 33, из них 29 падает на одиноких матерей.

Рассмотрим, наконец, вопрос о числе детей, имевшихся у одиноких матерей. И здесь эти данные интересно сопоставить с данными других групп матерей, так как только тогда видно будет своеобразие положения одинокой матери (см. табл. на стр. 20).

Работающие матери являются по общему правилу однопородными. Они составляют 87,7%. Многодетность наблюдается у матерей, имеющих работоспособного мужа. Что касается одиноких матерей, то многодетность встречается лишь у вдов и разведенных. Так, из матерей внебрачных детей только 4 имели по двое детей, остальные же одного. Из матерей разведенных и брошенных мужьями — 12 имели по 2 ребенка и одна — 4 детей. Из вдов — 7 имели по 2 детей, 6 — по трое, 6 — по четыре и 1 — шестерых. Таким образом, многодетными одинокими матерями являются главным образом вдовы.

Приведенные данные о социальном положении одинокой матери позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Хотя одинокой матери ради заработка приходится работать чаще, чем какой-либо другой группе матерей, однако, она лишь в редких случаях оказывается пригодной для регулярного труда, в особенности вне дома.

2. В своем экономическом положении одинокая мать обычно не самостоятельна. Она живет милостью других людей, чаще всего своих родных, затем людей посторонних и, наконец, на последнем месте — милостью отца ребенка, так как иначе нельзя назвать те крайне редкие случаи, когда отец не уклоняется от уплаты алиментов. Нередки случаи нищенства и, вероятно, проституции.

3. Жилищные условия одинокой матери в лучшем случае сводятся к обладанию комнатой. Жизнь у чужих людей

Сравнительная таблица, показывающая число детей в различных категориях семей.

Число детей.	Семьи при работающем отце.	Семьи без работающих отцов.	Семьи, где оба родит.	Семьи одиноких матерей.	Семьи инвалидов.	Всего.
1	389 55,6 ⁰ / ₀	119 56,1 ⁰ / ₀	55 87,7 ⁰ / ₀	128 77,6 ⁰ / ₀	5 33,3 ⁰ / ₀	696 60,5 ⁰ / ₀
2	163 23,3 ⁰ / ₀	62 29,2 ⁰ / ₀	6 9,3 ⁰ / ₀	23 14,0 ⁰ / ₀	6 40,0 ⁰ / ₀	260 22,6 ⁰ / ₀
3	76 10,8 ⁰ / ₀	15 7,2 ⁰ / ₀	— —	6 3,6 ⁰ / ₀	2 13,3 ⁰ / ₀	99 8,4 ⁰ / ₀
4	40 5,8 ⁰ / ₀	8 3,7 ⁰ / ₀	1 1,5 ⁰ / ₀	7 4,2 ⁰ / ₀	1 6,7 ⁰ / ₀	57 5,0 ⁰ / ₀
5	19 2,8 ⁰ / ₀	4 1,9 ⁰ / ₀	1 1,5 ⁰ / ₀	— —	— —	24 2,0 ⁰ / ₀
6	11 1,6 ⁰ / ₀	4 1,9 ⁰ / ₀	— —	1 0,6 ⁰ / ₀	1 6,7 ⁰ / ₀	17 1,4 ⁰ / ₀
7	1 0,1 ⁰ / ₀	— —	— —	— —	— —	1 0,1 ⁰ / ₀
Всего	699 100 ⁰ / ₀	212 100 ⁰ / ₀	63 100 ⁰ / ₀	165 100 ⁰ / ₀	15 100 ⁰ / ₀	1154 100 ⁰ / ₀

на кухне, в дворницкой для таких матерей—довольно частое явление. Одним только одиноким матерям, и притом очень часто, приходится вместе со своим ребенком ютиться в углах.

4. Одинокая мать, не являющаяся вдовой, по общему правилу имеет одного ребенка и в сравнительно редких случаях—двоих детей. Смертность грудных детей у одиноких матерей значительно выше, чем у прочих категорий.

III.

Посмотрим теперь, что говорят нам цифры относительно той судьбы, которая ожидает ребенка одинокой матери, остающейся без достаточной поддержки со стороны общества и государства.

Первый факт, с которым приходится встречаться повсеместно, это крайне повышенная смертность таких детей в младенческом возрасте. В статистике детской смертности западно-европейских стран, да и в статистике дореволюционной России, особо регистрировалась смертность внебрачных детей до 1 года. Поэтому при рассмотрении настоящего вопроса приходится ограничиться исключительно этой группой. К концу довоенного периода имелись следующие данные относительно смертности детей, родившихся в браке, и детей внебрачных по отдельным странам. Данные эти представляют среднее число за период 1910—1914 гг.

Страны.	Среднее ежегодное число смертей детей до 1 года на 1.000 новорожденных.		
	Внебрачные дети.	Законные дети.	Относит. разница.
Австрия	247	188	1,3
Бельгия	213	136	1,6
Дания	167	90	1,9
Англия	208	104	2,0
Финляндия	175	106	1,7
Франция	221	111	2,0

Страны.	Среднее ежегодное число смертей детей до 1 года на 1.000 ново- рожденных.		
	Внебрач- ные дети.	Законные дети.	Относит. разница.
Германия	256	154	1,7
Бавария	250	187	1,3
Пруссия	271	151	1,8
Саксония	233	167	1,4
Вюртемберг	215	150	1,4
Италия	223	134	1,7
Норвегия	122	62	2,0
Шотландия	223	120	1,9
Швеция	109	66	1,7
Швейцария	169	99	1,7
Нидерланды	223	102	2,3

При некоторых колебаниях обычно смертность внебрачных детей, таким образом, в 1,5—2 раза превышает смертность детей, родившихся в браке. Даже страны с наименьшей детской смертностью вообще дают от 170 до 200⁰/₀ смертности внебрачных по отношению к законным детям. Итак, до войны внебрачный ребенок имел почти в два раза меньше шансов сохранить свою жизнь, чем его более счастливый сверстник, родившийся в браке.

В Америке это отношение еще резче. Если взять для иллюстрации статистику трех больших американских городов—Бостона, Балтимора и Вашингтона за 1913—1914 гг., то получим такую таблицу:

Города.	Внебрач. дети.	Законные дети.	Разница.
Балтимора	316	96	3,3
Бостон	291	95	3,0
Вашингтон	303	80	3,7

Итак, в большом городе Америки внебрачный ребенок имел шанс выжить еще в два раза меньше, чем его европейский товарищ по положению.

Годы войны почти во всех странах повысили процент внебрачных рождений. К сожалению, мы еще не располагаем статистикой по всем странам, но все же и по имеющимся отчетам можно заметить это из следующей таблицы:

Число и процент внебрачных рождений в отдельн. странах Европы.

СТРАНЫ.	Внебрачн. рождени в 1914 г.		Процент внебрачных рождений.				
	Число.	% в обще- му колу. рожд.	Средн. ‰ 1906—09.	Средн. ‰ 1910—14.	1915.	1916.	1917.
Австрия	102.845	11,9	12,3	11,9	—	—	—
Венгрия	63.301	8,5	8,4	9,0	9,5	—	—
Бельгия	10.975	6,4	6,3	6,3	—	—	—
Дания	8.395	11,5	11,0	11,3	11,7	11,7	—
Финляндия	6.838	7,8	6,9	7,7	8,0	—	—
Франция	66 000	8,8	8,9	8,7	—	—	—
Германия	176 270	9,7	8,7	9,4	—	—	—
Англия	37.329	4,2	4,0	4,2	4,4	4,8	5,6
Ирландия	2.943	3,0	2,6	2,8	3,1	3,0	3,1
Шотландия	8.879	7,2	7,0	7,3	6,9	7,3	7,5
Италия	52.813	4,7	5,1	4,8	4,3	—	—
Норвегия	4.406	7,1	6,8	6,9	7,3	7,0	7,1
Португалия	20.601	11,0	11,8	—	—	—	—
Испания	28.858	4,7	4,6	4,8	5,0	5,3	—
Румыния	25.367	8,1	9,2	—	—	—	—
Швеция	20.481	15,8	13,3	15,1	—	—	—
Швейцария	4.341	5,0	4,4	4,7	4,6	4,4	—
Нидерланды	8.728	2,1	2,1	2,1	2,2	2,2	—
Европ. Россия	118.159	2,3	2,3	—	—	—	—

Рост внебрачных рождений во время войны еще ярче, пожалуй, иллюстрируется статистикой трех главных европейских столиц.

Города.	1913	1914	1915	1916	1917	Среднее за 1904—09 гг.
Берлин	23,3	22,6	22,2	23,8	—	18,1
Париж	26,5	23,9	26,8	30,8	31,7	25,5
Лондон	—	4,5	4,8	5,4	6,8	3,5

Таким образом, война способствовала значительному увеличению числа внебрачных рождений во всех воюющих странах. Процент заключенных браков в этот период необычайно упал. Правда, после войны он сразу поднялся до небывалых цифр и, возможно, что отцы внебрачных детей вступили в брак именно с матерями их детей. Однако, с другой стороны, возможно значительное число вторичных браков, которые обрекают прежнюю семью на одиночество.

Число заключенных браков (в тысячах).

Страны.	1911—13	1917	1918	1919	1920	1921
Франция	306	158	178	447	600	456
Бельгия	60	33	43	97	106	—
Германия	516	308	352	844	895	721
Италия	264	97	107	314	—	—
Голландия . . .	47	49	49	58	—	63
Швеция	33	35	33	40	43	—
Швейцария . . .	28	23	26	31	35	—

В то время, как во Франции, Бельгии, Германии и Италии, принимавших участие в войне, начиная с первого мирного года число браков сразу почти утроилось по сравнению с годами войны и увеличилось в полтора—два раза по сравнению с довоенным временем (несмотря на значительную убыль мужского населения брачного возраста), в странах нейтральных — Голландии, Швеции и Швейцарии оно стоит все время приблизительно на одном уровне; неболь-

шое увеличение цифр легко объясняется общим ростом населения и сравнительно лучшим материальным обеспечением благодаря выгодам, извлеченным из нейтралитета.

После войны общая детская смертность в Европе понижалась. Например, в Англии она с 10,8⁰/₀ в 1913 г. понижалась до 8,9⁰/₀ в 1919 г., в Голландии с 9,5⁰/₀ в 1914 г. она упала до 7,6⁰/₀ в 1921 г. В Германии она в 1915 г. равнялась 15,1⁰/₀, в 1920 г.—13,1⁰/₀, в 1921 г.—13,3⁰/₀, в 1922 г.—12⁰/₀. В 1915 г. в Германии умерло 277.000 детей до одного года, а в 1921 г.—197.000. К сожалению, какая доля падает на детей внебрачных, мы не знаем. Из отдельных данных статистики местной можно предположить, что процент неблагоприятного отношения этой смертности к смертности детей, родившихся в браке, не уменьшился, а скорее увеличился, по крайней мере для Германии.

По мере того, как ребенок, живущий с одинокой матерью, подрастает, его ждут новые враги детства — беспризорность и преступность. К сожалению, эту сторону мы не можем иллюстрировать такими подробными статистическими данными, как данные, характеризующие усиленную смертность внебрачных детей. Но все же отдельные примеры явятся достаточно красноречивыми. Приведем сначала два — три примера из западных стран.

Прусская статистика исправительно-воспитательных заведений, в которые помещаются дети морально-беспризорные и дети правонарушители, за период 1907—1910 г., показывает следующее. По общей статистике в Пруссии рождается около 8⁰/₀ внебрачных детей. В виду усиленной смертности их в первые два года жизни, их вымирает половина, что дает уже 4⁰/₀. К возрасту 12—16 лет, как свидетельствуют общие переписи населения, процент внебрачных детей едва достигает 2⁰/₀, т.-е. остается лишь одна четверть. Между

М. Карсаге

Записки

тем, процент помещаемых в заведения исправительного воспитания внебрачных детей в Пруссии в этот период равнялся 13,8⁰/₀, т.-е. почти в 7 раз был больше соответственного числа их в населении. В годы войны от увеличился до 17⁰/₀ (Мозес). В Баварии в 1908 г. процент внебрачной рождаемости равнялся 12,3⁰/₀; к 12—16 годам он соответственно должен был бы выразиться в 3⁰/₀, между тем, число внебрачных детей в заведениях принудительного воспитания исчислялось в 25⁰/₀. И в более взрослом возрасте внебрачные дают повышенную преступность. По исследованию Шпана, в Германии из 1.000 родившихся в браке осужденных было 7⁰/₀, а из числа внебрачных по рождению—10,9⁰/₀. По исчислениям Боннгофера из числа заключенных 16⁰/₀ являются рожденными вне брака; по данным Мозеса, в 1908 г. из числа заключенных в каторжных тюрьмах Германии—9,8⁰/₀ мужчин и 11,5⁰/₀ женщины родились вне брака. Вильямс устанавливает, что 14⁰/₀ бродяг являются внебрачными детьми.

По статистике Берлинского попечительного комитета о малолетних обвиняемых, за годы войны, когда отцы были призваны в действующую армию, среди несовершеннолетних обвиняемых было в 1915 г.—19⁰/₀ детей, отцы которых были на войне, а в 1916 г.—20⁰/₀. После войны дети, отец которых умер и которые жили с одинокой матерью, составляли от 10 до 12⁰/₀ всех обвиняемых. По отдельным годам эти процентные отношения таковы: 1918 г.—10,6⁰/₀, 1919 г.—9,1⁰/₀, 1920 г.—11,9⁰/₀.

Приведем относительно Америки еще одну таблицу, показывающую специально связь семейного положения детей с их преступностью. В 1911 г. американское федеральное правительство произвело подробное обследование детской преступности на основании данных ряда судов для малолетних.

Добытые сведения о 4.278 мальчиках и 561 девочке, признанных виновными в совершении правонарушений, располагались таким образом:

Семейное положение	Мальчики		Девочки	
	Абсолют. число	%	Абсолют. число	%
Жили в родной семье.	2.450	57,5	190	34,2
Только с отцом	314	7,6	52	9,4
„ „ матерью	724	17,0	103	18,5
С матерью и отчимом	190	8,5	36	13,6
С отцом и мачехой.	160		40	
Брошенных отцами	74	1,0	25	4,7
„ обоими род	43	1,4	7	1,3
Сирот или убежавших от родителей	300	7,0	98	17,6
С мужьями	—	—	4	0,7
Итого	4255	100%	555	100%

Дети, имеющие только одну мать, дают в два раза большую преступность, чем дети, имеющие одного только отца. Таким детям, как показывают детали отчета, в которые мы не имеем возможности входить, приходится уже с раннего возраста помогать матери в заработке. Вступая в детском возрасте в самостоятельную трудовую жизнь, они легко поддаются соблазнам и совершают преступления. Ранний труд у детей является одним из серьезных факторов детской преступности.

По приблизительной статистике Соединенных Штатов Америки за 1915 г., в стране насчитывалось женщин незамужних, вдовых и разведенных в брачном возрасте от 16 до 44 лет—8.760.000. На каждые 1.000 женщин этих групп ежегодно приходится 3,7 рождений; по другим исчислениям этот процент должен быть повышен до 4, что составляет 35.000 детей, ежегодно рождающихся у матерей, не живущих с отцом ребенка. Необычайно развито в Аме-

рике покинутые жены и детей отцами даже при наличии брака. По данным г. Филадельфии за 1913 г., из 1.891 детей, воспитывавшихся в детских приютах города, 522 или 27⁰/₀ были взяты из семей, покинутых их отцами. В 1916 г. из 7.220 случаев, когда оказана была помощь Филадельфийским обществом организованной благотворительности—739 или 10⁰/₀ падали на семьи, покинутые их отцами. В 1917 г. соответственные цифры равнялись 5.105 и 692, что составляет уже 13⁰/₀. Изучение мальчиков, представших в качестве обвиняемых в филадельфийском детском суде в 1916 г., показало, что на 1.000 привлечений к суду 244 падает на детей тех семей, которые брошены отцами. Число дел об оставлении семьи без помощи и невыдаче алиментов в том же городе росло следующим образом:

в 1916	7337	1919	8204
„ 1917	8201	1920	9615
„ 1918	6949		

На каждую тысячу населения в брачном возрасте было случаев покинутая семья в течение года:

1916	8,09	1919	8,69
1917	9,07	1920	8,31
1918	7,85		

Таким образом промышленный прогресс, ослабляя крепость семейных связей, увеличивает число одиноких матерей и усиливает вместе с тем детскую беспризорность.

Но перейдем к цифрам, которые дает нам русская жизнь. Их, к сожалению, можно было собрать сравнительно немного и то лишь преимущественно по отношению к довоенному времени.

По данным Петроградского суда для малолетних за 6 лет (1910—1915 гг.), семейное положение детей, обвинявшихся

в этом суде в преступлениях, влекущих (для взрослых) тюремное заключение (главным образом имущественные хищения) было таково:

Семейное положение.	Мальчики.		Девочки.	
	Среднее за год.	%	Среднее за год	%
Живы оба родители	701	57,4	77	44,3
Умерли оба	64	5,2	17	9,9
Жив отец	112	9,1	21	12,1
Жива мать	344	28,4	69	33,3

Признак наличия в живых того или иного родителя, быть может, еще не является показательным. Поэтому приведенные данные дополним другой таблицей, заимствуемой из того же источника, показывающей на чем попечении находились малолетние в момент учинения правонарушения:

На чем попечении.	Мальчики.		Девочки.	
	Среднее за год.	%	Среднее за год.	%
Родителей	408	36,8	70	34,3
Только отца	71	6,5	10	5,0
Только матери	304	27,6	36	18,0
Прочих лиц	118	11,7	27	13,5
Жили самостоятельно	198	18,0	58	28,8

Нельзя не обратить внимания на тот грандиозный процент, который в обеих таблицах дают дети, имевшие в живых только мать (28,4% мальчиков и 33,3% девочек) или находившиеся на попечении одной матери (27,6% мальчиков и 18,0% девочек). Прав П. Г. Бельский, заметивший в одной из своих статей, что „кусочек хлеба, добываемый отцом, спасает детей от скамьи подсудимых гораздо чаще, чем ласка матери“.

Приведем далее цифры для Москвы, заимствованные из обстоятельного исследования „Дети-преступники“, изданного под редакцией профессора Гернета. Из общего числа

2.540 подростков, дела о которых рассматривались в мировых камерах г. Москвы в течение 1908—1909 гг.

Имели обоих родителей	472	39,3 ⁰ / ₀
Одного отца	264	22,1 ⁰ / ₀
Одну мать	419	35,1 ⁰ / ₀
Были круглые сиротами	42	3,5 ⁰ / ₀
Неизвестно	1343	—

И здесь, таким образом, дети, имевшие одну мать, дают в полтора раза больше правонарушителей, чем имевшие одного отца.

По данным Киевского суда для малолетних за 1916 г. из 1.417 малолетних обвиняемых только 358, т. е. $\frac{1}{4}$, жили при обоих родителях, 184—имели отца в действующей армии и 645 являлись полусиротами или сиротами.

По отчетам наших исправительно-воспитательных заведений за 1910—1915 гг., около 57% содержащихся в этих заведениях являлись сиротами, полусиротами и внебрачными детьми, причем особенно сильно сказывалось на ранней преступности отсутствие отца.

Г. Францев, обследовавший положение детей-правонарушителей в Москве в 1916 г. в связи с их семейным положением, указывает, что из 98 мальчиков, поступивших в течение 1913—1916 гг. в городской Рукавишниковский приют, круглых сирот было 11, не было отца у 48 и отец бросил семью у 7. Таким образом 66 детей-правонарушителей из 98 вышли из семей, в которых не было отца. По его же сообщению, из числа детей, которым оказывалась помощь московскими попечительствами о бедных, было 12,6% детей внебрачных.

Приведем, наконец, результаты обследования состава воспитанников петроградских учреждений для дефективных детей, произведенного в 1921 г. Н. А. Окуневым и П. Бель-

ским и охватившего 1.112 детей. Сравним их для наглядности с отчетами петроградских же исправительно-воспитательных заведений за период, непосредственно предшествующий революции (1914—1916 г.).

Семейное положение.	1914—1916.	анкета 1920 г.
Живы оба родители	55,4 ⁰ / ₀	22 ⁰ / ₀
Умерли оба (сироты).	5,7 ⁰ / ₀	31 ⁰ / ₀
Жив только отец	9,5 ⁰ / ₀	17 ⁰ / ₀
Жива только мать	29,4 ⁰ / ₀	30 ⁰ / ₀
	100,0	100 ⁰ / ₀

Процент малолетних, у которых жива только одна мать, почти не изменился, но он в 2—3 раза больше, чем процент имевших только отца. Значительно возросло круглое сиротство (с 5,7 до 31⁰/₀). В. И. Куфаев, исследовавший семейное положение малолетних рецидивистов, прошедших в 1921 г. через комиссии по делам о несовершеннолетних, устанавливает, что 70⁰/₀ их являлись сиротами или полусиротами.

По городской анкете г. Москвы о нищенствующих детях, произведенной в 1912 г., нищенствующие мальчики обычно жили самостоятельно и самостоятельно побирались, нищенствовавших с родителями было всего 28 из 194, т.-е. 14⁰/₀, что же касается девочек, то 78⁰/₀ общего числа их нищенствовали вместе с матерями.

Не только нищенство, но и проституция особенно часто наблюдается среди девочек, растущих у одиноких матерей. Нужда, слабый присмотр, а порою и дурной пример самой матери, с ранних лет толкают девочку на этот путь. Зачастую и сама мать видит в торговле телом своей дочери-подростка источник средств к существованию.

Наш русский опыт обследования и рассмотрения дел о малолетних проститутках в детском суде был слишком слу-

чаен и кратковременен, чтобы на нем можно было бы строить какие-либо выводы. За шесть лет существования в Петрограде особой камеры детского суда (1910—1916 г.) по обвинению в проституции привлекалось всего 94 девочки ¹⁾.

Доверяться же цифрам врачебно-полицейской статистики, составившейся на основании голословных заявлений самих женщин и подростков, нет оснований. Зато мы имеем довольно богатый материал, собранный по этому вопросу за последние годы американскими исследователями.

В Америке дела о проституции в ряде городов выделены в особые суды, причем в каждом случае производится обследование дела особой попечительницей, состоящей при таком суде. Коснемся сначала вопроса о том, какой процент среди проституток мы находим одиноких матерей, имеющих одного или нескольких детей.

В 1922 г., по инициативе Американской ассоциации социальной гигиены было произведено обследование работы таких судов в Бостоне, Филадельфии, Чикаго и Нью-Йорке. В целях выяснения социальных особенностей женщин, занимавшихся проституцией, в каждом суде было взято по 50 дел в течение определенного месяца. В Филадельфии из 50 проституток 25 не имели детей, 7 имели от одного до четырех законных детей и 18—детей внебрачных. По возрасту—14 имели от 15 до 19 лет, 16—от 20 до 24, 6—от 25 до 30 лет, 9—от 30 до 35 и 5—более 40. По семейному положению 22 были незамужними, 8—вдовами и 20 были замужем, но не жили со своими мужьями. В Бостоне

¹⁾ Из них только 45,5% имели в живых обоих родителей, у 10,8% был жив только отец, у 29,5% только мать, у 11% умерли оба родителя и у 3,2% родители отсутствовали неизвестно где.

из 50 проституток 28 не имели детей, 16—имели от 1 до 3 детей, родившихся в браке, и 7—внебрачных детей. По семейному положению 28 указывали, что они замужем, 15 были незамужними, 7 вдовами. В Нью-Йорке из 306 женщин, задержанных за проституцию, 19 оказались беременными.

В 1920 г. было произведено подробное обследование всех женщин, содержащихся в карательных и исправительно-воспитательных учреждениях штата Нью-Йорка, осужденных за упорную проституцию и преступления. Семейное положение их определялось следующим образом:

Семейное положение.	% среди осужденных.	% в общем женск. населении штата.
Незамужних	42,4	33,8
Замужем.	57,6	66,2
Из них		
Разведенных	9,8	0,3
Вдов	2,9	11,3
<hr/>		
Общее число случаев	559	3.291.000

Средний возраст этих женщин был 20, 68 лет, причем 12,5% вступили на путь проституции, не достигнув 16 лет. Большинство их вышли из семей, лишившихся отца. В отчете имеется интересная таблица, указывающая возраст, когда они лишились отца или матери.

Из общего числа 559—441 не имели отца и 260 матери.

Лишились родителя:	Отца.		Матери.	
	Число	%	Число	%
В возр. до 5 лет	58	11,8	48	9,4
" " от 5—10 лет	91	18,6	69	18,5
" " " 10—15 "	122	24,9	99	19,4
" " " 15—20 "	170	34,7	134	26,3
<hr/>				
	441	81%	260	68,6

Таким образом громадное большинство проституток и преступниц вышло из разрушенных семей, причем особенно пагубной являлась потеря отца в возрасте наступления половой зрелости. По данным Филадельфийского суда о проституции за 1916 г., из 695 задержанных за проституцию женщин, 108 в качестве причины, толкнувшей их к этому промыслу, указали дурные условия домашней обстановки. В 1919 г. из 868 задержанных—72 (9%) были брошены своими мужьями.

Приведенных данных, думается нам, достаточно, чтобы иллюстрировать положение о большой опасности беспризорности, преступности и проституции, которой подвергаются дети одиноких матерей. Они вместе с тем настолько красноречивы, что не требуют подробных объяснений, и в интересах будущности народа нельзя пройти мимо них равнодушно, не предприняв ряда мер к улучшению положения одинокой матери.

IV.

Перейдем теперь к характеристике правового положения одинокой матери. Советское законодательство, в первом своем кодексе о семейном и брачном праве 1918 г., крепостило замужную женщину от власти мужа, предоставило супругам свободу развода, приравниало права внебрачных детей во всем к правам детей, родившихся в браке, но при всем этом оно затронуло только юридическую сторону вопроса, оставив в тени всю сложность социальной стороны его. Кодекс 1918 г. был издан в тот период утверждения советского строя, когда, по выражению вождя нашей революции В. И. Ленина, декреты Советского пра-

вительства лишь декларировали новые революционные идеи, предоставляя им самим пробовать толщу жизненных отношений и не входили в регулирование всех практических способов воплощения их в жизнь. Такой декларативный характер и нашел свое яркое выражение в кодексе 1918 г., с того времени не перерабатывавшемся.

Нормы нашего кодекса дают матери широкую возможность требовать от отца ребенка оказания ей материальной поддержки (алиментов) на содержание ребенка. Женщина в течение 3 месяцев до разрешения от бремени может возбудить иск о признании виновника ее беременности отцом ее будущего ребенка и просить суд постановить об участии отца в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка (ст. 143). Обязанность содержания детей лежит на родителях в одинаковой мере и размер выдаваемого ими содержания определяется в зависимости от их материального положения, но сумма, затрачиваемая каждым из родителей, не может быть менее половины прожиточного минимума, установленного для ребенка в данной местности (ст. 162). Эта обязанность сохраняется и при прекращении брака разводом или признании его недействительным (ст. 166); она прекращается, поскольку дети принимаются на общественное или государственное иждивение (ст. 161). При расторжении брака вопрос о содержании детей решается по соглашению родителей, а при отсутствии соглашения дело решается судьей (ст. 167). При этом судья должен принять во внимание как средства и трудоспособность обоих родителей, так и невозможность для трудоспособной матери иметь заработок по причине необходимости ухода за детьми или беременности (ст. 168). Право получения алиментов в равной мере распространяется и на внебрачных детей. Периодические платежи на содержание ребенка не могут

М. В. Савин

быть заменены одновременно выдаваемой капитализированной суммой платежей (ст. 114) ¹⁾.

Практика показывает, что при наличии доказательств происхождения ребенка от определенного отца народные

¹⁾ В настоящее время в НКЮ вырабатывается проект Кодекса законов о браке, семье и опеке, долженствующий заменить кодекс об актах гражданского состояния 1918 г. Новый проект в общем остается на почве прежних постановлений, внося, однако, частичные поправки. В интересующей нас области несомненными улучшениями являются: предоставление права на получение содержания от другого супруга (даже при наличии развода) не только в случае утраты трудоспособности, но и на время безработицы; предоставление матери внебрачного ребенка права делать заявления об отцовстве в течение всего периода беременности и после родов (вместо прежних 3 месяцев до родов); указание на обязанность лица, признанного отцом ребенка, участвовать в расходах на содержание не только ребенка, но и матери; определение размеров алиментов не по прожиточному минимуму ребенка, а по материальному положению отца ребенка; сохранение обязанности выплаты алиментов даже при лишении родительской власти или определении ребенка в государственное учреждение; возможность пред'явления иска об алиментах не только по месту жительства отца, но и по месту жительства матери, являющейся истицей. Недостатком предполагаемого проекта является сохранение чисто искового порядка взыскания таких алиментов без принятия при этом каких-либо существенных мер к облегчению ее положения на суде и при исполнении судебных решений. Проект предлагает ввести уголовную ответственность за ложное отрицание на суде отцовства, как за лжесвидетельство. Вместо этой мало удачной статьи (ибо отцовство всегда только презумируется, даже при существовании зарегистрированного брака; с другой стороны, для женщины не установлено ответственности за ложное указание на кого-либо, как на отца ее ребенка) правильнее было бы ввести ответственность за злостный отказ в выдаче алиментов, присужденных судом ребенку и его матери. (См. „Еженедельник Советской Юстиции“. 1928 № 36, 37).

суды обычно удовлетворяют иск матери об алиментах и назначают содержание в размере от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ заработка отца. В отдельных случаях, в особенности в прошлые годы, бывали отступления от этого, когда судьи указывали матери на возможность поместить ребенка в приют. Но с признанием права матери на получение алиментов, трудности, ожидающие ее на пути реализации этого права, только начинаются. Мерилом заработка является получаемое с места службы содержание. Мать посылает на место службы исполнительный лист с просьбой о производстве вычетов из жалования. До последнего времени, при весьма низких размерах заработной платы и при развитии выдач натурой, выдача $\frac{1}{3}$ денежного заработка совершенно не могла служить достаточным материальным обеспечением матери и ребенка. Позднее, с повышением ставок, стало происходить сокращение штатов и значительная часть стала существовать на случайный, не поддающийся регулярному учету заработок от поденной, кустарной работы, от торговли, спекуляции и пр. Вместе с этим для матери отпадала и возможность взыскания присужденных алиментов, ибо размер вознаграждения был не установлен. Нередко встречались случаи, когда отец ребенка, состоящий на службе, считал для себя невыгодным продолжать ее, получая лишь половинное жалование, и немедленно после представления исполнительного листа, увольнялся, предпочитая другой заработок, переезжая порою в другой город или тщательно скрывая место своей новой службы. Мер принуждения его к выполнению обязанностей в таких случаях в распоряжении матери не имелось. После двух—трех месяцев уплаты взносов, отец обычно устраивается так, что в дальнейшем с него „взятки—гладки“. Чтобы добиться получения алиментов, матери приходится вести настоящую „охоту“, беспрестанно получая

новые исполнительные листы то на часть заработка, то на определенную сумму, то на имущество, причем если ей и удавалось чего-либо получить, то это могло обеспечить ее лишь на ближайший месяц—другой, так как закон не допускает капитализации таких платежей в виде определенной однократной суммы. Обремененная ребенком, чаще всего несведущая и даже неграмотная и забитая, женщина-мать не в силах вынести такого испытания, и после некоторых усилий предпочитает переносить нужду и лишения, чем продолжать добиваться осуществления своего права. В значительной части случаев отцы, в особенности отцы внебрачных детей, принадлежат к пришлому населению. После рождения ребенка они возвращаются к себе в деревню или в отдаленный город, бесследно исчезая от матери. Если даже удастся установить их местопребывание, то за дальностью расстояния и вследствие сопряженных с поездкою расходов, понудительное взыскание оказывается невозможным. В течение 1922 г. чрез социально-правовой отдел пункта № 1 Охраны Материнства и Младенчества было возбуждено 125 исков о выплате алиментов одиноким матерям; почти все они были удовлетворены, между тем анкета, произведенная среди тех же матерей в 1923 г., показала, что только 2 из них фактически пользовались поддержкой отца ребенка. Опыт показывает, что при нежелании платить алименты отец всегда сможет уклониться от этой обязанности. Мать же, находясь в условиях особенной нужды и не получая поддержки, в конце концов, устраивает своего ребенка в дом малютки или в детский дом, а тогда отпадает и юридическое основание для истребования алиментов, так как ребенок находится на государственном иждивении.

Должно ли государство поощрять такое отношение отцов к своим детям и семьям? Должно ли оно взваливать на сла-

бые плечи матери всю тяжесть изыскания средств на содержание ребенка, высшим опекуном которого является государство? Должно ли оно, наконец, ставить существование матери и ее ребенка в зависимость от доброй воли и милости отца, который всячески старается скинуть с себя это бремя? Ответ на эти вопросы ясен сам по себе.

Наше право в вопросе о взыскании алиментов последовательно проводит начала частно-искового процесса. Не только матери, но даже малолетним детям, оно предоставляет отыскивать средства на содержание в порядке гражданского иска (ст. 166). Взгляд этот, заимствованный из старого права, совершенно не мирится с новыми воззрениями на задачи государственной охраны детства, положенными в основание Советского права и находящими себе признание в новых законодательствах Запада. Эти последние, начиная с 1910 г., определенно вступили в другой путь. Дача средств на содержание ребенка есть не частная, а публичная обязанность родителя, и нарушение ее влечет за собой уголовную ответственность, а взыскание содержания в пользу матери и ребенка есть задача должностных органов государства.

И по нашему кодексу 1918 г. обязанности родителей потеряли свой частно-правовой характер; родительская власть должна осуществляться исключительно в интересах малолетнего и под контролем государства (ст. 153, 161); но указанного последовательного вывода из этого положения у нас не сделано. В Америке и Западной Европе за последние годы почти всюду оставление семьи без поддержки влечет ответственность пред уголовным судом. Отец, бросивший детей, заключается в рабочий дом, направляется на принудительные работы, причем на время его содержания государство выплачивает необходимые средства матери, лишая его самого зара-

ботка. Правда, почти всегда это наказание назначается условно: оно не приводится в исполнение, если родитель принимает на себя обязательство аккуратной выплаты алиментов и действительно это обязательство выполняет. Выплачиваемая сумма вносится в суд или состоящим при суде попечителям, которые получают возможность следить за аккуратностью выплаты, а мать получает ее из кассы суда, избегая тягостных личных столкновений и объяснений со своим бывшим мужем или сожителем. Чрез попечителей суд выясняет источники средств существования отца и матери, устанавливает размер необходимой суммы на содержание ребенка, определяет формы и сроки ее выплаты. Обследователи-попечители учитывают и временные затруднения отца, при безработице—помогают ему приискать работу, при попытках же злого уклонения его от исполнения такой обязанности они сами наводят справки об его новом местожительстве или месте работы и принимают меры к понудительному взысканию ¹⁾.

По данным, напр., одного штата Нью-Йорка за 12 лет такой практики с 1909 г. по 1921 г. попечителями было собрано с отцов на содержание их семей 4.726.000 долларов (около 10 милл. зол. руб.) и 2.800.000 долларов были непосредственно выплачены отцами семьям под контролем попечителей. При этом первый год дал всего около 15.000 долларов, а в последнем отчетном 1921 г.—2.660.000 долларов. Государство и общество смогли облегчить свои бюджет социальной помощи на соответственную сумму, принудив отцов к выполнению их обязанности по выплате алиментов.

¹⁾ Подробно западно-европейские и американские законодательства и практика по этому вопросу рассматриваются в моей брошюре „Ответственность за оставление семьи без средств“. П. 1915 г.

Итак, первой и наиболее существенной мерой улучшения положения одинокой матери явилось бы снятие с нее самой тяжкого искового пути взыскания средств на содержание ребенка и принуждение отца к исполнению этой обязанности в порядке публичном ¹⁾.

¹⁾ На-ряду с общей ответственностью за отказ в доставлении средств на содержание ребенка, следует особо оговорить ответственность мужчины, вызвавшего беременность женщины и оставившего последнюю в беспомощном состоянии, вследствие чего она решилась на аборт, самоубийство или детоубийство. Статья, предусматривающая такое преступление, имеется в Норвежском кодексе 1902 г. Она встретила сочувственное к себе отношение и у ряда германских юристов. В условиях нашей жизни, с оставлением в беспомощном положении матери непосредственно перед родами приходится встречаться не столь уже редко. Заведующий отделом судебной медицины НКЗ д-р Лейбович сообщает следующий достоверно известный ему случай. Некто X в течение полугода женился 4 раза, оставив трех жен беременными. Одна из разведенных жен произвела себе аборт у акушерки, и вследствие этого аборта последовало заражение крови и смерть женщины. Вторая жена у той же акушерки отделалась тяжелым гинекологическим заболеванием. Третья жена покончила жизнь самоубийством на пятом месяце беременности в тщетном ожидании возвращения мужа. „Легкость и лабильность брака, несдерживаемые никакими юридическими последствиями—пишет автор—а с другой стороны боязнь беременной женщины остаться покинутой в безвыходном положении создают благоприятную атмосферу для развития и распространения народной болезни—аборта“. Автор высказывается на необходимость возложения „определенной юридической ответственности на мужа беременной“. (См. „Еженедельник Советской Юстиции“ 1923 г. № 22, стр. 510). В самом деле, если уголовный кодекс карает мать за покинутие ребенка (ст. 163), то почему отец, покинувший в беспомощном состоянии беременную с будущим ребенком, должен оставаться безнаказанным. В нашей практике бывали случаи, когда брошенная забеременевшая женщина являлась со слезами на глазах в Отдел и заявляла, что, лишенная всякой поддержки отца

Новые законы снимают с матери не только обязанность взыскания алиментов, но и хлопоты по установлению отцовства. Так, по Норвежскому закону 1916 г., при регистрации родившегося ребенка, обязанностью каждой матери является назвать имя отца. Она может сделать это и до родов. Заявление матери пересылается судье, который составляет постановление, уполномачивающее мать на получение алиментов от отца, указанного ею. Это постановление препровождается отцу. Он может в течение определенного срока оспорить постановление судьи, и тогда судья приглашает обе стороны, заслушивает их свидетелей и рассматривает доказательства; невозбуждение спора в течение определенного срока считается признанием своего отцовства. Некоторые черты этого порядка заимствованы и нашим кодексом 1918 г. (ст. 140, 141), но у нас установление отцовства опять-таки ложится на плечи матери. В Швеции по закону от 14 июня 1917 г., о каждом внебрачном ребенке уведомляется опекунская комиссия, которая по своему почину принимает шаги к установлению отцовства и взысканию алиментов с отца. По новому германскому имперскому закону от 9 июля 1922 г. всякий врач, акушерка или администрация родильного учреждения обязаны известить местный отдел детства (Югендамт) о родившемся внебрачном ребенке, причем ему назначается особый должностной опекун, обязанностью которого является прежде всего помочь матери в установлении отцовства и истребовании алиментов. Таким образом, шаги к обеспечению поддержки от отца новейшими законодательствами предпринимаются с самого рождения ребенка (а по-

ребенка, она наложит руки на себя и на ребенка, если ей не будет оказана помощь. Случаи подкидывания таких детей матерями немедленно вслед за рождением наблюдались неоднократно.

рою и до родов) и притом активные функции выполняются органами государства или особыми опекунами.

Но не всегда мать может получить необходимую поддержку от отца ребенка. Иногда она лишена возможности доказать отцовство или отец ребенка умер, находится в неизвестном отсутствии или вне пределов страны, иногда он сам нетрудоспособен или пользуется общественной помощью. Во всех воевавших странах не мало осталось матерей с детьми, родившимися от военнопленных, затем вернувшихся к себе на родину. В Германии, напр., вопрос этот серьезно озабочивает общество. Еще недавно здесь была произведена перепись детей, родившихся от военнопленных англичан, и списки таких детей были опубликованы в газетах с целью побудить английское общество придти им на помощь; в своих договорах с Польшею, Латвией, Эстонией Германия специально оговаривает обязанность выплаты алиментов внебрачным детям немцев, проживающих в Германии, родившимся от отцов, принадлежащих к этим национальностям. Естественно, что при невозможности получения поддержки от отца ребенка мать должна получить ее от общества или государства. Особенно необходима такая поддержка в период родов и в первые месяцы кормления грудью, когда мать признается нетрудоспособной и занятие трудом ради заработка могло бы губительно отозваться на ребенке.

Во всех культурных странах в настоящее время в целях охраны матери и ребенка введено страхование материнства. Не станем останавливаться на изложении постановлений различных законодательств, относящихся к этому предмету. Отметим лишь одну слабую сторону социального страхования, дающую себя сильно чувствовать, в особенности в наших условиях. Страхование касается матерей-работниц, или служащих, или, в лучшем случае, также и жен рабочих и

служащих. Случаи, когда мать занимается одиночным нерегулярным трудом (поденщица, прачка, портниха и т. д.) почти нигде не включены в страхование. Одинокая мать почти никогда не получает страховой помощи. Число одиноких матерей, занятых регулярным служебным трудом, как мы видели из приведенной выше анкеты, весьма незначительно. С другой стороны, мать не может получить страхового пособия по мужу, так как отцовство к моменту рождения ребенка обычно еще не установлено, да и по страховой практике внебрачные дети не всегда пользуются правами получения страховой помощи по отцу. Очень часто отца нет в живых или он находится в неизвестном отсутствии, бросил семью или же сам является безработным. Одинокая мать, более, чем кто-либо другой нуждающаяся в поддержке во время родов и кормления грудью, оказывается в этот период фактически без всякой помощи. Совершенно очевидно, что эта помощь должна быть ей оказана, если не в порядке социального страхования, то в порядке государственного обеспечения.

Можно указать две системы оказания такой помощи, в настоящее время практикуемые в иностранных государствах. Одна из них практикуется во Франции и Австралии. В Австралии по закону 10 октября 1912 г. каждая женщина (кроме цветнокожих) получает из государственной кассы по 50 р. за рождение ребенка. До конца 1913 года было заявлено таких просьб 40.150; из них удовлетворено 38.704, что составляет 90% всех поданных заявлений. Франция по закону 1910 г. выплачивает каждой матери по 50 франков за рождение ребенка. В обеих странах эта система носит характер скорее премии для матерей, чем социального обеспечения, и была принята в целях поднятия весьма слабого процента рождаемости. При обременительности ее для госу-

дарства, она едва ли целесообразна, так как здесь не учитывается ни нужда матери, ни ее социальное положение.

Более удачно решается вопрос новыми Скандинавскими законодательствами. По Норвежскому закону 1916 г. установлена обязанность выдачи из общественных средств пособия нуждающимся матерям, если они относятся к следующим группам: матерям внебрачных детей, если они кормят грудью своих младенцев и женщинам, супруги которых недавно умерли, скрылись или своим поведением вывели раздельное жительство. Пособия эти даются обыкновенно только в течение первых трех месяцев, но если городские или общинные власти, на основании свидетельства врача или акушерки, установят необходимость продолжения кормления грудью, то выдача пособия может быть продлена еще на три месяца, но не далее. Еще до родов каждая беременная женщина, не могущая снискивать себе содержание трудом, может обратиться к муниципальным властям с просьбой о пособии в течение шести недель, предшествующих ее разрешению от бремени. Прошение рассматривается особой комиссией, во главе которой обычно стоит врач. Размер общественных выдач определяется в каждой местности особо и зависит отчасти от возраста младенца. До установления пособия в определенном размере обычно запрашивается мнение местного попечительства о бедных и санитарного попечительства соответственной местности. Если женщина уже получает из какой-либо кассы пособие по случаю родов, то соответственная сумма вычитается из пособия, выдаваемого общественными властями. Расходы на выдачу таких пособий на $\frac{2}{3}$ покрываются из местных средств и на $\frac{1}{3}$ из средств государства. В Швеции по закону 1917 г. принята аналогичная система, причем хлопоты по получению пособия падают на опекуна, назначаемого опекунской комиссией.

В Дании оказание помощи одиноким нуждающимся матерям падает на санитарные комиссии и попечительства о бедных, которые выдают нетрудоспособным или нуждающимся матерям пособия от 15 до 25 крон в месяц, принимая на себя заботу о взыскании алиментов с отца. Права вдов в Дании значительно расширены недавним законом. По Датскому закону от 24 апреля 1913 г. (вступил в силу с 1914 г.) каждая мать-вдова имеет право требовать пособия для воспитания своих детей как законных, так и усыновленных в период замужества. Эти пособия выдаются ежемесячно или по третям года общинными властями после производства обследования положения просительницы. Государство участвует в размере одной половины расходов. Пособия прекращаются лишь в случае нового выхода матери замуж, дурного поведения ее, с получением ею наследства, с вступлением в трудовую жизнь детей или в случае обеспечения их пособиями или содержанием от каких-либо других организаций.

Пособия матерям в Скандинавских странах (кроме Дании по закону 1913 г.) носят характер воспомоществования матери в период родов и кормления грудью. Но ее тяжелое материальное положение не на много облегчается и в период после окончания кормления. Если ребенок перестает нуждаться в ее молоке, то он попрежнему нуждается в ее заботливом уходе. Новейшие законодательства Америки признали это положение и провели его в свое право под названием „материнских пенсий“.

Первые законы о пенсиях для матерей были приняты в 1911 г. в двух штатах—Миссури и Иллинойсе. Было признано, что вместо помещения матери с ребенком в воспитательный дом или благотворительное учреждение, лучше материально помочь матери, оставив ребенка у нее. Новый прин-

цип получил необычайно быстрое признание. Через восемь лет, к концу 1919 г., уже 39 штатов (из 49) приняли эту систему. Методы и формы назначения таких пенсий довольно пестры. Обычным условием является материальная нужда матери, но выдаваемое пособие рассматривается не как благотворительная помощь, при получении которой мать зачисляется в число людей, „пользующихся общественной поддержкой“, а как законное право ее, несколько не уменьшающее ее личного достоинства. В немногих штатах право на пенсию дается лишь овдовевшим матерям. В значительном большинстве пенсии выдаются матерям разведенным, брошенным мужьями, и матерям внебрачных детей. Порою пенсия начинает выдаваться еще в период беременности. Пенсия выдается до достижения ребенком возраста законной промысловой зрелости, т.-е. до вступления его в трудовую жизнь. Размер пенсии варьирует, начиная с прожиточного минимума ребенка и до 9 долларов в месяц. Средства получают как из местных сум, так и из ассигнований государственного казначейства. Органами, назначающими пенсии, по отдельным законодательствам, являются советы графств, советы опекунов, местные отделы охраны детства, детские суды, отделы социального обеспечения или народного образования, особые комитеты помощи матерям и т. д. Доводы в пользу таких пенсий, приводимые в американской литературе, сводятся к следующим. Выдача пенсии удерживает мать и ребенка от поступления в закрытое благотворительное учреждение в виду нужды. Жизнь в таком учреждении на содержании государства или общины не только принижает личное достоинство матери, но и заставляет ее перестать быть активной участницей общественной жизни; выйдя из приюта с ребенком, она труднее может наладить свою самостоятельную жизнь. Содержание матери с ребенком

в приюте обходится обществу значительно дороже. Но отчету Нью-Йорка за 1918 год на пенсии 100.000 матерям, нуждавшимся в такой поддержке, было израсходовано 10 миллионов долларов, что составляет 100 долларов в год на мать с ребенком. Между тем, на содержание 22.000 детей в приютах государством и общественной благотворительностью в том же году израсходовано 7 милл. долларов, что составляет около 300 долл. на каждого ребенка. Административные расходы при системе материнских пенсий в больших городах поглощают всего 5%, тогда как те же расходы при системе закрытых учреждений поглощают 76%. Деньги, уплачиваемые государством на пенсии матерям, возвращаются тому же государству в виде сокращения числа приютов, больниц, судов и тюрем. Материальная поддержка одинокой матери дает возможность ей дать лучшее образование ее ребенку и дольше удержать его от раннего занятия трудом. Работники по охране труда детей являются решительными сторонниками материнских пенсий, так как только при существовании их могут исчезнуть вопиющие факты работы детей, начиная с 9—10-летнего возраста, уличная торговля детей, детская беспризорность. Инспекция труда может быть более решительной в надзоре за исполнением правил о труде детей, зная, что ей не приходится считаться с материальной нуждою.

Подводя итог сказанному относительно материальной поддержки одиноких матерей из общегосударственных и местных средств, укажем, что в условиях нашей жизни возможно было бы поручить назначение таких пособий особым комиссиям из представителей ведомства социального обеспечения, труда (страховые кассы) и здравоохранения (охрана материнства и младенчества). Назначение пособия должно происходить после предварительного обследования материального положения матери через сестер патронажа или особых

обследовательниц. Пенсии и пособия должны определяться прожиточным минимумом в каждой местности. Средства ассигнуются частью местными губисполкомами, частью страховыми кассами, частью государством. В целях экономии на первое время выдачу пособий можно ограничить кругом городского населения, наиболее испытывающего на себе нужду и детскую беспризорность.

Выдача пособий и пенсий одиноким матерям не должна, однако, заслонять другого вопроса — об оказании одиноким матерям трудовой помощи. Мало способная к регулярному труду вне дома мать, однако, не должна перестать быть трудящейся и лишиться возможности своим трудом несколько улучшить свое материальное положение. Из мер, предпринятых у нас за последнее время в этом направлении, можно указать только на постановление четырех ведомств (НКТ, НКСО, ВЦСПС и ВСНХ) от 20 февраля 1920 г., которое „в целях смягчения тяжелых экономических условий, в которые впадают некоторые группы трудящихся женщин в связи с сокращением штатов“, постановляло:

1. При равных условиях производительности труда и производственной квалификации все женщины-работницы увольняются за сокращением штатов на общих основаниях. Исключение допускается лишь для одиноких женщин, имеющих детей до одного года; им в указанном случае дается предпочтение, в смысле оставления их на работе, перед прочими рабочими и служащими.

2. Увольняемые одинокие женщины, а также их малолетние дети, при увольнении из предприятий и учреждений, не подлежат выселению из занимаемых ими помещений.

3. Дети увольняемых женщин ни в коем случае не могут подлежать удалению из сель, школ, детских домов и т. д., содержаемых за счет тех предприятий и учреждений, из которых увольнение произошло, до прискания работы в других предприятиях.

Это постановление было подтверждено циркуляром НКВД 1923 г. № 21, для сведения всех исполкомов и губпроф-

советов, которым предлагалось „защитить в первую очередь интересы указанных групп женщин, памятуя, что неосторожные мероприятия в этой области неизбежно толкают наименее устойчивых в ряды проституток“.

Нужно, однако, констатировать, что постановление 20 февраля 1922 г. не остановило стихийного процесса увольнения одиноких женщин-матерей. По произведенной выше анкете, в 1922 г. среди одиноких матерей было до 41% состоящих на службе, а в мае 1923 г. — всего 6,6%. Причины этого кроются отчасти в характере самого постановления, отчасти в положении матери. Декрет дает предпочтение одинокой матери лишь „при одинаковых условиях производительности труда и производственной квалификации“, чему, конечно, далеко не всегда могут удовлетворить матери, еще недавно перенесшие роды и принужденные вскармливать своего ребенка. С сокращением штатов интенсивность труда во всех предприятиях и учреждениях сильно возросла и сама мать, чувствуя недостаток своих сил, не решается особо настойчиво противиться решению администрации. Отчасти это обстоятельство учитывается и самим постановлением, предусматривающим льготы по пользованию квартирой, яслями, школами и пр. на случай увольнения. Но эти виды помощи, естественно, носят только кратковременный характер: нельзя выбрасывать женщину с малолетними детьми на улицу, но, с другой стороны, она не может рассчитывать на то, чтобы длительно существовать за счет учреждения, в котором она прежде служила, да и сами учреждения и предприятия зачастую весьма недолговечны¹⁾.

¹⁾ По правилам о выдаче пособий с Петроградской биржи труда, опубликованным 18 июля 1923 г., за одинокими матерями признано право на получение пособия по безработице, вне зависимости от стажа работы по найму, если они зарегистрировались в течение

Принуждение руководителей учреждений и предприятий к оставлению на службе матерей едва ли может принести существенную помощь многим матерям. Поэтому необходим несколько иной подход к делу. Наш опыт показывает, что наиболее подходящей помощью для таких матерей является дача работы на дом, устройство трудовых мастерских, в которых матери не были бы связаны необходимостью отработки полного рабочего дня, а получали бы вознаграждение сдельно, более льготное допущение таких матерей к торговле, устройство дешевых общестий для матерей при больших мастерских, в которых одна мать могла бы заменять нескольких, когда они отлучаются на работу и пр.

В Скандинавских странах—Дании и Норвегии—широко распространены „трудовые приюты для матерей“, отчасти соответствующие нашим домам матери и ребенка, с тем однако, отличием, что находящиеся в них матери часть времени проводят в мастерских, покрывая своим заработком приблизительно до $\frac{1}{3}$ стоимости их содержания вместе с ребенком; с другой стороны, взносы, получаемые с отцов на содержание детей, также идут в зачет стоимости содержания, так что общинным организациям приходится сравнительно мало затрачивать на содержание таких учреждений. Такой умеренный труд оказывает не только благоприятное влияние на здоровье матерей, но и дает им нравственное удовлетворение. Поступая в трудовой приют, мать не смотрит на себя, как на получающую благотворительную помощь,

2 недель со дня прекращения работы (ст. 1, п. г). За женщинами, роженицами и кормящими ребенка грудью, признается право на получение пособий за кормление и роды из страховых касс, если они являются женами лиц, получающих пособие по безработице.

а ищет здесь отдыха от тяжелых забот, неизбежных при самостоятельной жизни.

Я лично вспоминаю одно свое впечатление. Во время первой всероссийской переписи 1897 года мне пришлось в качестве счетчика в одном из бедных районов Петрограда, в Коломне, набрести на квартиру, занятую 10-ю матерями. Все они имели внебрачных детей и существовали на ничтожные взносы, выдававшиеся по приговору мировых судей им отцами детей, обычно в сумме 5—10 рублей в месяц. В целях экономии сил и средств эти матери, самостоятельно, без посторонней помощи и даже инициативы, образовали небольшую коммуну. Одна или две оставались с детьми, другие были заняты трудом: поденной работой, шитьем, стиркой, торговлей. Дежурная хозяйка стряпала обед и ужин. Уже тогда эта форма самоорганизации одиноких матерей в больших городах не являлась исключением.

В 1922 г., при пункте № 1 Охраны Материнства в Петрограде, были предприняты шаги к организации в помещении пункта швейной мастерской для одиноких матерей. Приобретено было необходимое оборудование, подобралась довольно значительная группа матерей-работниц. Но опыт продолжался лишь пару месяцев, так как за недостатком материала, оборотных средств и отсутствием топлива с наступлением холодов, пришлось приостановить работу. Такие мастерские с успехом могут существовать лишь при том условии, если они будут обеспечены заказами от учреждений и будут работать из материала, доставляемого учреждениями, иначе недостаток капитала не позволит сколько-нибудь расширить дело.

Но оказанием материальной и трудовой помощи еще не исчерпываются формы необходимой поддержки. Нужно обес-

печить не только одинокую мать, но и ее ребенка. В особенности эта необходимость поддержки ребенка возникает по отношению к внебрачным детям, не знающих не только отца, но и близких родственников последнего. Отцовская помощь в лучшем случае выражается здесь только в скудных взносах на их содержание. В целях оказания поддержки такому ребенку, законодательства нового времени стали на путь обязательного назначения особых должностных опекунов к таким детям. Они облегчают положение одинокой матери, приходят ей на помощь своими советами и указаниями, принимают на себя хлопоты по установлению отцовства и получению алиментов; когда ребенок подрастает, они заботятся об его воспитании, помещая в детский сад, в школу, следят за его занятиями и поведением, удерживают от дурных и опасных знакомств и привычек. Впервые практику назначения таких опекунов ввело германское гражданское уложение 1900 г. Путем ряда отдельных германских местных законов она получила дальнейшее развитие. Новый германский закон об охране детства, от 9 июля 1922 г., вручает опеку над всеми внебрачными детьми вновь учреждаемым Отделам Детства, в которых наряду с должностными лицами участвуют представители общественных и благотворительных организаций. Отделы ведения актов гражданского состояния обязаны немедленно посылать извещение в ОД о каждом родившемся внебрачном ребенке и он автоматически становится подопечным ОД. По просьбе незамужней матери, должностной опекун от ОД может быть назначен даже в период ее беременности. Опека эта не применяется, если отец внебрачного ребенка живет совместно с матерью и ребенок носит фамилию отца. Аналогичное правило введено шведским законом 1917 года, причем здесь должностная опека продолжается до дости-

жения ребенком 18 лет. В феврале 1919 г. временное Национальное Собрание Австрийской республики также провело закон об обязательной публичной опеке над всеми внебрачными детьми. Опека эта осуществляется особыми опекунскими советами, специально организованными для этой цели. Каждый врач, оказывающий помощь при родах, в течение 3 дней и сама мать, в течение 11 дней со дня рождения такого ребенка, обязаны послать в этот совет соответствующее извещение. Опека продолжается до 14 лет.

Назначение такой опеки не только не умаляет прав внебрачного ребенка по сравнению с детьми, родившимися в браке, но, напротив того, расширяет их, так как эти дети таким путем принимаются под ближайшее попечение государства. Наше семейно-опекунское право, к сожалению, этого вида опеки не знает. Напротив того, в одном из ранних своих разъяснений на вопрос НКСО НКЮ разъяснил (разъяснение № 1533, от 25/хп 1918 г.), что „опека не может иметь места в отношении детей, находящихся на попечении матери, которая, в силу возложенных на нее обязанностей, должна защищать интересы детей, личные и имущественные, являясь представительницей их и без специального назначения опекушей“. Эта точка зрения, под влиянием новых течений, думается нам, должна быть пересмотрена в интересах самих детей. Конечно, об обязательном назначении должностной опеки у нас еще не может быть речи, но нельзя не признать частой необходимости ее. Нам неоднократно приходилось наблюдать среди внебрачных матерей — женщин слабоумных, больных, женщин, занимающихся проституцией и нищенством. Чтобы улучшить положение ребенка, нужно проделать путь судебного лишения их родительской власти — путь, добавим мы, почти всегда безнадежный. Дополнительная опека дает возмож-

ность легче помочь ребенку. Назначение такой опеки могло бы происходить по представлениям пунктов Охраны Материнства и Младенчества, детской социальной инспекции, отделов народного образования и пр. и обязанность такого назначения наиболее правильно было бы возложить на комиссии по делам несовершеннолетних.

Мы не касаемся других мер социальной помощи детям одиноких матерей, так как эти меры целиком совпадают с общей программой борьбы с детской беспризорностью и с охраной детства вообще. Нашей задачей было обратить внимание на особые нужды одинокой матери и на необходимость создания особой социальной политики в этом вопросе. Странно сказать, что до сих пор у нас одинокие матери не пользуются особой социальной квалификацией. Поскольку такая мать не состоит на службе или работе, она рассматривается как „лицо свободной профессии“ и принуждена уплачивать более высокие ставки за квартиру, освещение, коммунальные услуги и пр. Билет безработной не всегда гарантирует ее от этого. А между тем именно в этой области государству легче всего несколько облегчить ее положение. В практике учреждений охраны материнства и младенчества одинокие матери должны быть особо выделены и в первую очередь на них должны быть обращены заботы врачебного персонала, социальной и материальной помощи. Только при этих условиях можно облегчить женщине бремя одинокого материнства и обеспечить ее детям здоровое развитие и честную трудовую жизнь в будущем.

РУССКАЯ И ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

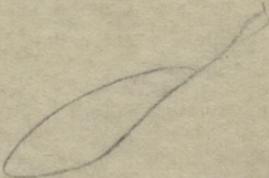
1. Н. А. Вигдорчик. Теория и практика соц. страх. Проблема материнства. 1922 г.
2. А. Колонтай. Общество и материнство. 1921 г.
3. И. Кулишер. Обзор мирового хозяйства после войны. II. 1923.
4. Н. Окунев. Особый суд по делам о малолетних (отч. 1910—1915 г.).
5. Н. Окунев и Е. Чичагова. Детская проституция в Петрограде. 1916 г.
6. В. Левитский. Суд для малолетних в г. Киеве. 1915 г.
7. Его же. Детский суд и война. 1916 г.
8. Гернет. Дети-преступники. 1909 г.
9. В. Куфаев. Повторные нарушения несовершеннолетних „Жизнь и Право“. 1922 г. кн. 7.
10. П. Люблинский. Ответственность за оставление семьи без средств. II. 1916 г. (из „Журн. Мин. Юст.“ 1916 г.).
11. Его же. Норвежское законодательство о внебрачных детях. Журн. „Охрана материнства и младенчества“ № 3. 1917 г.
12. Его же. Опека и детская беспризорность. „Вестн. Просв.“ 1923 г., кн. 4.
13. Г. Францев. Семейные условия в связи с детской преступностью. „Журн. Призр. и благотв. в России“. 1916 г., № 9.
14. С. Бахрушин. Нищенствующие и бродяжнич. дети в Москве. 1916 г.
15. Соколов. Женское право Р.С.Ф.С.Р. М. 1923 г.
16. Рындыонский и Савинская. Детское право Р.С.Ф.С.Р. М. 1923 г.
17. Г. Рындыонский. Вопросы семейного права. „Ежен. Сов. Юст.“. 1923 г.
18. Emma O. Lundberg and Katharine F. Lenroot. Illegitimacy as a child welfare problem. Washington. 1920.
19. Percy G. Kammerer. The unmarried mother. Boston. 1918.
20. The unmarried mother and her child. „Maternity and child welfare.“ vol II. London. 1918.
21. The Mothers' pensions in Denmark, U. S. of America, New Zealand and Australia. Washington, Dep. of labor. 1919.
22. Mothers' pensions in Amerika. Americ. Journal of criminology. 1918. № 1.
23. The minimum standarts of child welfare. Resolutions of American Conference, held in Washington. 1920.
24. A. D. Menken. A social aspect of the unmarried mother. Journal of delinquency. 1922, march № 2.
25. H. Patterson. Family desertion and non support. The Journal of delinquency. 1922 № 5—6.
26. H. Davis. Women-delinquents in the New-York state. N. Y. 1920.
27. A study of specialized courts dealing with sex delinquency. I—III. American Social Hygiene Association. 1922—1923.
28. J. Petersen. Jugendfursorge. Berlin. 1915.
29. G. Moses. Zum Problem der socialen Familienverwahrlosung unterbenderer Berücksichtigung der Verhältnisse im Krieg. Langensalza. 1920.
30. Friedberg. Reichsjugendwohlfahrtsgesetz von 22 juli 1922. Textausgabe. Berlin. 1922.
31. Berliner Jugendgerichtshilfe Bericht für die Jahre 1919—1921. Zeitschrift f. d. ges. Strafrechtswissenschaft. 1922 № 3.
32. A. S. Gribord and Ida R. Parker. What becomes of the Unmarried mother. Boston. 1922.

4.40

p. 30.

8 7

14

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Петроград, Просп. 25 Октября, 74. Тел. 1-34-34
Москва, Тверская, 38. Тел. 2-64-61.

005819